

АФГАНСКИЙ СНЕЗНИК

18.08.[19]80 г. Завтра прилетает в Кабул известный вооруженец генерал-полковник Шабанов. Непосредственно войсками он не занимается. Его поле деятельности, как объяснил мне генерал Кичаев, — стратегия развития вооружения на перспективу в интересах всех родов войск в широком плане; в своей работе он опирается прежде всего на научно-исследовательские институты. Мне же предстояло выступить на совещании, которое будет проводить генерал Шабанов, с коротким сообщением о состоянии дел в моем завещании.

Выступать на таком уровне — дело ответственное, и что можно сказать за десять минут? Решаю обобщить опыт эксплуатации вооружения в условиях боевой действительности в горной местности с увязкой проблемных вопросов. Такой анализ у нас уже есть, не говоря о проблемах...

Да, их, проблем, накопилось много: это и модернизация вооружения применительно к горным условиям, и массовый выход из строя орудийных колес на горных дорогах в жару, и течь противооткатных устройств, и выход из строя дальномеров ДАК-1 при температуре свыше 50°C, и недостаток ночных приборов наблюдения у разведчиков, и затруднение в зарядке разнотипных аккумуляторов к приборам ночного видения, и т.д. и т.п.

Впрочем, обо всем об этом мы уже неоднократно писали, не единожды докладывали по инстанции. Так стоит ли повторяться? Нет, остановлюсь-ка я лучше на проблеме, высказанной командующим ТуркВО: «Солдат не облегчен, у него нет специального снаряжения». Это сейчас актуально, особенно в связи с оснащением горных батальонов.

Наконец после нескольких переделок и уточнений доклад составлен, согласован и отпечатан. На другой день уже с раннего утра мы все на ногах. Рейс из Москвы должен быть к одиннадцати.

А вот и большой самолет Аэрофлота показался в небе, вот он уже заходит на посадку. Первым из него вышел генерал-полковник Шабанов — небольшого роста, в роговых очках, в рубашке с короткими рукавами кремового цвета и темных брюках. За ним показа-

лась высокая фигура генерала Андрианова — начальника Главного ракетно-артиллерийского управления (ГРАУ).

Уточнен план работы на следующий день: заслушивание в штабе армии, потом работа в войсках.

20.08.[19]80 г. К назначенному времени собралось человек пятнадцать. Узнаю порядок работы совещания: заслушивают, кроме меня, разведчика и начальника инженерных войск. Затем перелет в Баграм — там работа у летчиков и посещение армейской артиллерийской мастерской.

Последнее меня сильно смутило: разговора о мастерской раньше не было. Да и что там смотреть? Если бы был развернут батальон по ремонту вооружения, тогда другое дело, а так показывать десяток машин и несколько палаток высокому начальнику, прибывшему к нам в ранге заместителя министра обороны, просто несолидно. Но делать нечего: звоню в службу и даю команду, чтобы готовились к встрече.

Подшло время заслушивания. В кабинете кроме генерала Шабанова находились генералы Кичаев и Андрианов. Не отвлекаясь от согласованного с начальством текста, я сделал свой доклад, уложившись в отведенное время. Генерал-полковник Шабанов лишь раз прервал меня, заметив, что 88-мм минометы «Поднос» и модернизированные установки «Шилка» пехотного варианта, о которых я вел речь, уже в производстве и скоро поступят в 40-ю армию. Однако проблема с облегчением солдата оказалась для него несколько неожиданной. Он на это сказал, что вопрос важный и этим никто не занимается.

Когда я собирался покинуть кабинет, генерал Кичаев меня предупредил:

— Мы хотим показать трофейное оружие. Поезжайте к себе в службу и приготовьте образцы.

Собирать оригинальные и редкие образцы трофейного оружия мы стали не случайно. Как-то в ходе сбора руководящего состава службы РАВ в Ленинграде мне удалось побывать на экскурсии в Артиллерийском музее*, основанном еще Петром Великим. Там я неоднократно бывал и раньше, но

на этот раз увидел запасники. Оказывается, в них хранятся более интересные экспонаты, чем те, что выставлены на всеобщее обозрение. Здесь были коллекция орденов Российской Империи, громадные альбомы фотографий всех полков старой армии, лучшая в мире коллекция стрелкового и холодного оружия.

— К сожалению, — посетовал сотрудник музея, — в последние годы наша коллекция оружия почти не пополнялась. Поэтому у нас к вам, начальникам вооружения округов, армий и корпусов, просьба: если представится такая возможность, присылайте нам образцы оружия.

Никто наперед не знает своей судьбы, но я хорошо запомнил эту просьбу, которую смог выполнить, оказавшись в Афганистане. Целый набор наиболее интересных, на наш взгляд, образцов оружия мы отослали в Артиллерийский музей и получили от его начальника благодарственное письмо.

В службе имелось много трофейного оружия, и среди прочего был здесь кожаный душманский патронташ. Сделан он в виде пояса и плечевых ремней, в которые наподобие пулеметной ленты набивается до двухсот винтовочных патронов, причем груз на теле распределяется равномерно, не стесняя свободы движений.

Когда мы разложили образцы на большом столе, мне пришла в голову мысль надеть на себя набитый патронами патронташ. Уловка оправдалась. Мой экзотический наряд сразу привлек внимание, все стали с любопытством рассматривать необычное снаряжение, слышались реплики, завязался разговор.

— Да, нужно специальное горное снаряжение, — подвел черту генерал-полковник Шабанов.

Затем мы вылетели в Баграм.

У авиаторов заместителя министра обороны заинтересовала такая новинка, как установка на вертолет Ми-8 курсового пулемета и гранатомета АГС-17, и он пожелал лично убедиться в эффективности стрельбы, проверить, не нарушена ли балансировка машины и не снижена ли ее маневренность.

Пока комиссия экзаменовала летчиков, я решил съездить в мастерскую и посмотреть, что там и как. Работа здесь была проделана огромная: построено и заполнено металлическое хранилище, в

*Продолжение. Начало см.: Воен.-истор. журнал. 2004. № 12; 2005. № 2, 3.

*Имеется в виду Военно-исторический музей артиллерии, инженерных войск и войск связи.

больших палатках на стеллажах разложены запасные части и материалы, обустроена территория. Что касается ремонта вооружения, то плотнее всего был загружен первый цех, который ежесменно производил средний ремонт двенадцати орудий. Стрелковое оружие во втором цеху практически не ремонтировалось: наши замечательные пулеметы и автоматы не нуждались в ремонте, а если, например, случайно попадали под гусеницы, то их просто списывали. Зенитное и радиолокационное вооружение, а также оптические приборы ремонтировались эпизодически.

Осмотр мастерской занял не много времени. При обходе ее территории генерал-полковник Шабанов все поглядывал на громадные соседние цеха автомобильного ремонтного батальона. Сравнение, конечно же, явно не в нашу пользу.

Он нам не высказал никаких замечаний, но и особого интереса к нашему ремонтному заведению не проявил. А вскоре снова затопился к летчикам.

— Хочу сам проверить машину в воздухе. Ощутить ее, столь вооруженную, поработать с оружием, — с лейтенантским азартом объяснил свою торопливость генерал-полковник.

Проводив высокого начальника, мы остались, ощущая свою несостоятельность в ремонтных делах. Что тут скажешь? Наше отставание в них по сравнению с танкистами и автомобилистами началось не сегодня. Я был склонен винить в этом прежде всего ГРАУ. Затягали там какие-то высоконучные, не понятные нам изыскания, а в войсках в итоге отменен так необходимый средний ремонт, исчезли накопления запасных частей к вооружению, ликвидировалась ремонтная документация, ремонтники растеряли практические навыки, притупилась изобретательская смекалка... Когда это было, чтобы в частях, даже артиллерийских, не могли (боялись!) перебрать орудийные устройства? Эту работу выполняет только армейская мастерская.

Впрочем, ремонт для нашей службы всегда был на втором плане. Главное — обеспечение ракетами, боеприпасами и вооружением. Да и объем ремонтных работ у нас на сегодняшний день составляет всего лишь 3 проц. от таких же работ, производимых, скажем, автомобилистами.

Однако в другой ситуации и при иной интенсивности боевых действий необходимость восстановления вышедшего из строя вооружения возрастет многократно. Так что не зауряд-мастерская, а классный мощный ремонтный ба-

тальон и для нашей службы нужен обязательно. Когда я уже занимал другую должность и находился в других местах, служба РАВ все-таки занимала столь необходимое специализированное воинское подразделение.

11.09.[19]80 г. Чрезвычайная информация от командующего войсками Туркестанского военного округа генерал-полковника Максимова звучала так: «Оперативная группа Министерства обороны завершает свою работу. На командующего 40-й армией ложится вся организация и руководство армией. Однако от ТуркВО остается оперативная группа».

Чрезвычайными эти указания показались, возможно, лишь мне, поскольку повергли меня в уныние. Теперь уедет генерал Кичаев, и все острые вооруженческие проблемы я вынужден буду решать самостоятельно. Словом, остаюсь без авторитетного совета и высокого прикрытия. Однако иду знакомиться с членами окружной оперативной группы. Вооруженцев в ней представляет подполковник Выговский — молодой энергичный офицер из штаба вооружения округа.

24.09.[19]80 г. В Кандагаре на артиллерийских складах 70-й мотострелковой бригады грубейшие нарушения техники безопасности при обращении с боеприпасами. Ни телеграммы, ни телефонные разговоры не дают толку. Нужно ехать туда самому и принимать срочные меры в отношении склада боеприпасов.

25.09.[19]80 г. Поступила телеграмма командующего войсками ТуркВО: «Приказом министра обороны СССР командующим 40-й армией назначен генерал Ткач Борис Иванович...». Армия существует девять месяцев — срок небольшой; жизнь боевая, бурная. Много тяжелых происшествий. Бурность и происшествия службы РАВ уж очень касаются: сгорели склады боеприпасов в мотострелковом полку и в авиации из-за грубейших нарушений.

26.09.[19]80 г. Обстреляна колонна с боеприпасами 108-й мотострелковой дивизии в составе 18 машин. Уничтожены 228 гранатометных выстрелов к боевой машине пехоты и 100 штук противотанковых управляемых снарядов.

30.09.[19]80 г. На 10 ч 30 мин новый командарм пригласил к себе генералов Журавлев и Пивоварова, а вместе с ними и меня.

— Поставлена срочная задача, — сообщил он, — привести в порядок склады боеприпасов, горячего и авиационные, включая полковые, дивизионные и армейские. Генералу Пивоварову назначаются гарнизоны Кундуз, Пули-Хумри, Файзабад. Генералу Журавлеву — Кабул,

Баграм, Джелалабад. Полковнику Павлову — Шинданд, Герат, Кандагар. Требования к складам боеприпасов и ГСМ отпечатать и раздать всем членам комиссии. Начало работы — с завтрашнего дня.

До сегодняшнего дня со складами я, можно сказать, бился в одиночку, теперь, опираясь на приказ командарма, нужно не упустить благоприятный момент.

Итак, мне досталось западное направление. Здесь всего 14 складов: 6 — боеприпасов, 8 — ГСМ, в том числе 2 армейских. Прежде всего нужно составить требования к складам боеприпасов. В общем-то многое расписано в наших руководящих документах, но надо учесть здешние специфические условия.

Во-первых, склады нужно разместить на безопасном удалении от жилья и других объектов. Это самый трудный вопрос, так как в большинстве частей их «прижали» к жилой зоне из-за боязни нападения, вынос же на безопасное удаление потребует кроме часовых еще и боевого охранения, сигнальных полей и т.п.

Во-вторых, напрашивается емкий объем обычных работ по устройству ограждения, оборудованию площадок и укрытий для стрелкового оружия, гранат и пиротехнических средств.

В-третьих, не забыть о живучести склада и противопожарной безопасности, включающей создание запасов воды для пожаротушения и нештатных пожарных команд, установку грозозащиты, производство соответствующих земляных работ и многое другое. Некоторые вопросы мы, как говорится, выстрадали и смело могли предлагать к исполнению. Хотя бы оборудование караульных помещений, которые, как уже говорилось, должны быть построены по методу местных жителей из глиняных кирпичей или из камня и защищать солдат от дикой жары, давая им отдых.

В отношении сигнальных полей — моя инициатива. Как-то я увидел у саперов сигнальную мину «СМ». Она маскировалась на местности и срабатывала в случае прикосновения к растяжке, с большим шумом выбрасывая вверх сигнальный шар, освещавший все вокруг. Часовой, даже безответственно уснувший, при срабатывании такой мины способен был прийти в себя и засечь нарушителя.

Ближе к вечеру мы с генералом Пивоваровым отправились к командарму для утверждения требований по складам. Командующий, видно, сам неплохо знавший их, утвердил документ без особых изменений. Кроме того, в войска тут же пошла телеграмма, что в

дальнейшем облегчало нашу работу. А еще он наделил меня своими полномочиями при выполнении поставленной задачи. Это меня тоже вдохновило, и я надеялся на хороший результат. Ведь дело вершим очень важное и нужное.

По личным наблюдениям и опыту службы я знал, что войска всегда охотно выполняют дельные и своевременные распоряжения. Из всех приказов и указаний, даже порой в чем-то противоречивых, наиболее добросовестно исполняются самые здравые.

Уже поздно вечером члены комиссии собрались в штабе тыла на инструктаж. Здесь были офицеры разных специальностей, в том числе и не знакомые со складами, которые им надлежало проверить. Пришлось провести с ними подробное занятие.

В заключение я предложил вариант единого акта проверки, похожего на предписание пожарников: что сделать, срок исполнения, отметка об исполнении, в конце — росписи проверяющего и командира части. Я просил этот акт печатать прямо на месте в трех экземплярах: один оставлять командиру части для исполнения, а два других забирать в штаб армии для доклада командарму и контроля.

1.10.[19]80 г. Самолет на Шинданд взлетел в девять утра. По прямой до пункта назначения где-то около тысячи километров, и по пути — все горы и горы. Прибыв на место, я прежде всего представился генералу Шаталову, который — и ответственный на западном направлении, и командир 5-й мотострелковой дивизии, и начальник Шиндандского гарнизона — один в трех лицах, а точнее — три ответственности в одном лице.

Я кратко доложил ему полученную задачу и план работы: сегодня проверка складов у летчиков и на складах ГСМ, завтра — склад боеприпасов дивизии и так далее. Он не стал возражать и обнадежил всяческой помощью в случае нужды.

Я поблагодарил и отправился на шиндандский аэродром к летчикам. Раньше я воздушную армию обходил, можно сказать, стороной, не вмешиваясь в дела ее вооруженцев. Вопросы ремонта вооружения, регламентов, а также обеспечения боеприпасами они решали самостоятельно и ко мне не обращались. Я же, зарывшись в пехотных делах, не вникал в их проблемы. Это была моя недоработка. Теперь уже очевидно, что пехота без авиации и шагу не может ступить, и чем дальше, тем больше. Поэтому начальник службы ракетно-

артиллерийского вооружения общевойсковой армии должен брать, как говорится, под свое крыло и вооруженцев-летчиков.

На аэродроме мои худшие опасения подтвердились: склада боеприпасов как такового у авиаторов не было; боеприпасы были сложены штабелями на краю летного поля, а также в промежутках между самолетными стоянками. Ни изгороди, ни элементарных противопожарных средств; часовой ходит между штабелями; реактивные снаряды нацелены головной частью в сторону жилой зоны и радиолокационной группы; и так далее и тому подобное. Что делать? Вместе с командованием полка принялись за работу: выбрали на безопасном удалении место для склада, произвели разметку его элементов на местности, наметили план неотложных работ и составили заявку на необходимые материалы. О состоянии дел у летчиков пришлось по телефону доложить командарму.

До вечера оставалось еще немного времени, и я рассчитывал до темноты успеть проверить склады ГСМ. На армейском складе ограждение вытянуто в одну нитку, отсутствуют грозозащита и освещение, не все емкости закопаны и т.д., что и было отражено в акте проверки. Я расписался как проверяющий и передал документ на подпись начальнику склада.

— Замечания правильные, — согласился равнодушно, с ехидцей подполковник, подписывая акт, — но мы и сами о них знаем. А теперь, чтобы их устранить, прошу дать мне шестьсот штук столбов для ограды и тридцать для освещения, десять тонн колючей проволоки, а еще бочки, пожарные щиты, инвентарь и другое, что исходит из ваших замечаний.

С этими словами он положил передо мной обширную заявку, заготовленную, возможно, бог весть когда. Он мне, скажу честно, пришелся по душе, поскольку, как было видно, дело знал, за объект переживал, не отмалчивался и не принадлежал к числу офицеров, которые заискивают перед начальством. Да и на складе в общем-то был порядок. Обеспечено достаточно, на мой взгляд, и боевое охранение: с восточной стороны два танка и БМП с пехотным отделением; с южной — один танк; по одному посту часовых было выставлено с обеих сторон.

— Хорошо, — согласился я. — Давайте вашу заявку. Ответ получите позже, после моего доклада командарму. А пока устраняйте недостатки, не требующие особых материальных затрат.

— Устраним, — согласился он.

Рядом с армейским складом ГСМ находился и склад ГСМ дивизии. Здесь тоже не было ни освещения, ни караульных вышек, ни запасов воды для пожаротушения, изгородь выставлена в одну нитку...

Уставший, в подавленном настроении от увиденного и услышанного возвратился я поздно вечером в отведенное мне для отдыха помещение.

2.10.[19]80 г. На сегодня назначена проверка артиллерийского склада 5-й мотострелковой дивизии, и меня сопровождает дивизионный начальник службы РАВ майор Дука.

У склада нас встретил прапорщик с повязкой дежурного на рукаве и потребовал сдать спички, сигареты. От удивления я даже растерялся. Здесь, в Афганистане, мы уже отвыкли от настоящей службы, и святое правило с этими спичками и куревом соблюдалось разве что на армейских складах. Выполняя строгие правила, озвученные решительным дежурным, я окинул наметанным взглядом обширную территорию с двумя рядами изгороди, ухоженный периметр, площадки открытого хранения, шесть металлических хранилищ. Перед входом красовались предупредительные таблички, в комнате дежурного — документация и инструкции, действует телефонная связь.

Проверять такой объект — одно удовольствие, и я стал подробно рассматривать каждый элемент. Боеприпасы сложены на открытых обвалованных площадках, высота обваловки — около пяти метров. Штабеля уложены ровно, с любовью. Каждая площадка оборудована двумя мачтами грозозащиты и средствами пожаротушения. На каждой мачте — табличка с указанием ее номера, величины сопротивления токоотводов, допустимого и фактического, даты проверки. Здрав голову, я читал эту табличку и сомневался.

— А проектная документация на грозозащиту у вас есть? — спросил я без всякой надежды на положительный ответ.

— Так точно, есть. Грозозащита установлена согласно проектной документации, разработанной коммунально-эксплуатационной частью Кушкинского гарнизона.

На отдельной площадке под навесом стояла мотопомпа и висел список нештатной пожарной команды.

— А мотопомпа исправна?

— Исправна. Сейчас заведем и дадим воду. Запасов воды у нас около четырехсот кубов.

И действительно, через некоторое время мотопомпа затарахтела, и даже... вода пошла. Это был уже фокус.

Спросите любого прожженного инспектора пожарной охраны, и он вряд ли припомнит случай из своей богатой практики, когда бы мотопомпа сразу завелась.

3.10.[19]80 г. Шинданд. Армейский реактивный полк, прибыв из Сибири, в боевых действиях пока не участвовал, а обустроивался, но был на хорошем счету у командования армии. И действительно, в полку образцовый порядок: чистота, все заняты делом, в парке красуются ухоженные и выровненные в ниточку грозные реактивные установки «Ураган».

Однако мое настроение ухудшилось, когда очередь дошла до проверки боезапаса. Склад боеприпасов фактически отсутствовал, и реактивные снаряды были сложены штабелями с небольшим промежутком прямо за парком. Штабеля размещены в шахматном порядке без всякой обваловки, нет ни грозозащиты, ни воды для пожаротушения, ни многого другого. Правда, головными частями грозные снаряды смотрели в сторону поля.

Вполне очевидно, что склад нужно выносить на безопасное удаление и оборудовать по всем правилам. Я стоял возле штабеля и прикидывал, как бы все это лучше сделать.

— А у нас наблюдается электризация реактивных снарядов, — заявил вдруг сопровождавший меня начальник артиллерийского вооружения полка майор Ляшенко. — Потрогайте снаряд рукой.

Я просунул руку сквозь решетчатую укупорку и, едва коснувшись корпуса снаряда, отдернул руку, получив ощутимый щелчок электрического заряда. Вот это новость! В чем же причина? Никакой грозы, никаких туч — небо безоблачное, жара.

Стоим, соображаем, в чем же дело и что предпринять. Причину мы вскоре поняли, оценив здешние погодно-климатические условия: жара, сильный сухой ветер несет с собой песок и мельчайшие частицы пыли, которые при соприкосновении с открытым корпусом снаряда производят эту самую электризацию. Корпус же снаряда, грубо говоря, представляет собой трехметровую трубу диаметром 140 мм, и потому электрический заряд получается значительной величины. Явление крайне неприятное. И хотя запальные цепи в этих снарядах надежные, от нежелательного явления нужно избавиться. Выход один — в полевых условиях реактивные снаряды необходимо заглублять с одновременной обваловкой, штабеля укрывать подручными материалами; не помещает и заземление.

— А чем укрывать штабеля? — спросил Ляшенко.

— Прежде всего брезентом, а потом можно использовать порожнюю артиллерийскую укупорку.

— У нас нет порожних ящиков. — Возьмите в дивизию. Вы знакомы с майором Дукой?

— Не знаком.

— Поезжайте в дивизию, познакомьтесь с ним. Заодно попросите укупорку и поучитесь, как нужно оборудовать склад боеприпасов.

5.10.[19]80 г. Герат. От аэродрома до расположения 101-го мотострелкового полка километров семь. Жарко, термометр показывает за сорок.

В полку какая-то напряженная атмосфера. Причину прояснил встретивший меня заместитель командира полка по вооружению подполковник Витюков.

— Банда душманов, — сообщил он, — человек пятьдесят, напала на афганских рабочих. Убила четырех и ранила шестерых.

Командир полка сам руководил боем. Душманов удалось окружить, однако они заминировали дорогу, и один танк подорвался. Его удалось под огнем оттащить в сторону, а по проложенной колее прошли остальные. Банду уничтожили полностью. Вот этим событием все и были в полку захвачены, так что мне поначалу было неудобно встречать с проверкой склада боеприпасов.

В отличие от многих других подобных объектов склад здесь находился на безопасном удалении. Но на этом все его плюсы и кончались. Более того, на небольшом пятке между штабелями со снарядами высилась гора патронов, ручных гранат, запалов к ним; некоторые гранаты хранились со вставленными запалами; тут же — авиационные бомбы вперемешку с реактивными снарядами «НУРС» к вертолетам.

Нет ни изгороди, ни противопожарных средств — нет ничего!

Что делать? Прежде всего, конечно, следует устранить взрывоопасную обстановку на складе. Но для этого мне нужно сначала принять ответственное решение и узаконить совместный «пехотно-авиационный» склад боеприпасов.

Сама жизнь диктовала необходимость создания такого склада. Вертолетная эскадрилья здесь постоянно работает совместно с мотострелковым полком. Возможность для содержания собственного склада у этой эскадрильи, разумеется, нет, и поэтому в интересах общего дела нужно узаконить совместный склад. Возможно, в будущем эта практика станет применяться шире и найдет отражение в руководящих до-

кументах... За двое с лишним суток был наведен относительный порядок. И хотя работы оставалось еще много — взрывоопасную ситуацию на складе удалось ликвидировать.

Одновременно улучшилась обстановка и на полковом складе ГСМ, где недостатков обнаружилось не меньше.

7.10.[19]80 г. Кандагар. С аэродрома в 70 мсбр добрался попутной машиной вместе с генералом Табунщиковым. Палаточный городок бригады жарится на солнце посреди раскаленной пустыни.

Оперативный дежурный сообщил, что почти все задействованы в рейдах, однако начальник местной службы РАВ капитан Геллеров оказался на месте. Вместе с ним и осмотрел артиллерийский склад. К моему разочарованию, здесь ничего не сделано. По-прежнему боеприпасы сложены почти рядом с жилыми палатками, реактивные снаряды нацелены головными частями в сторону лагеря, нет ни ограждения, ни противопожарных средств.

Ближе к вечеру вернулся из рейда заместитель командира бригады по вооружению подполковник Чичкань. Он объяснил, что до склада не доходят руки, поскольку каждый день идут боевые действия, причем с потерями. Он, по его словам, едва управляет с эвакуацией поврежденной техники и ее восстановлением. На все его сетования я, думаю, дал вполне резонный ответ и совет: использовать соответствующие службы; ставить им задачи, так как самому, конечно же, везде не успеть.

Мы засиделись допоздна.

— Понимаете, — продолжал я развивать свою мысль, — здесь, на самом юге Афганистана, нужно создать повышенные запасы боеприпасов. Надеяться нам не на что — армейских складов нет и не будет, плечо подвоза большое, дорога с каждым днем становится все опаснее, а расход снарядов возрастает...

11.10.[19]80 г. Кабул. За мое десятидневное отсутствие офицеры службы текущие дела не копили — решали сами, поэтому я мог со спокойной душой ездить по войскам, а теперь и заняться отчетным докладом. Собственно, какой доклад? Нужно просто обобщить акты проверок, а «выжимки» из них представить командарму.

Правда, картина получилась невеселая. Слишком много нужно различных материальных средств: 40 двадцатикубовых емкостей и 300 бочек под воду, 6 мотопомп, 3000 столбиков ограждения, 220 мачт грозозащиты и столбов освещения, 14 км сило-

вого кабеля, 40 т колючей проволоки, а еще огнетушители, ведра, ломы, топоры и прочее.

Содержание и объем работ по каждому складу расписаны в актах проверки, где есть и графа «отметка о выполнении». Сложив документы в папку, в назначенное время я отправился к командарму. В кабинете он был один, поэтому мне без помех удалось доложить ситуацию по каждому складу, потребность в материалах, подробности о проделанной работе в ходе самой проверки. В заключение я положил на стол стопку актов. Генерал полистал их и спросил:

— Их что, мне нужно утвердить?

— Утверждать не нужно. Прошу вас лучше написать сверху на каждом акте своей рукой резолюцию командиру части.

— Какую резолюцию?

К этому я тоже подготовился, протянув ему листок с таким текстом: «Товарищ Иванов! Об устранении указанных в акте недостатков доложите мне письменно в установленный срок». Подпись, дата.

— Иванов — это условная фамилия командира, — уточнил я.

— Правильно, — одобрил командарм. — Но напишем фамилию не только командира, но и замполита, и начальника штаба.

Генерал начал писать на актах резолюции, никуда не глядя. Видно, хорошо знал фамилии и командиров, и замполитов, и начальников штабов.

Нужно сказать, что этот нестандартный прием с актами в дальнейшем вполне оправдал себя, так как дал в мои руки дополнительный рычаг воздействия. Когда мы видели, что на каком-либо складе дело стопорится, я брал телефонную трубку и напоминал тому или иному командиру о том, что командарм ждет доклада об устранении того-то и того-то, что сроки уже прошли.

Справедливости ради нужно отметить, что большинство командиров вовремя и без напоминаний докладывали о проделанной работе.

Большую помощь оказал округ. Например, колючая проволока и некоторые другие материалы в отдаленные гарнизоны были поданы самолетами. Некоторые вопросы решались на месте: противопожарные щиты научились делать из артиллерийской укупорки; лопаты, ломы одалживали у саперов; багры изготавливали из прутка в местных мастерских; пустые бочки заимствовали на складах ГСМ. А вот вопрос с огнетушителями никак не решался и вылился в целую проблему на длительное время.

Полковник запаса А.П. ПАВЛОВ

(Продолжение следует)

«ПОБЕДА ВЕЛИКОГО НАРОДА»

В МОСКВЕ в Художественной галерее Центрального музея Великой Отечественной войны 1941—1945 гг. на Поклонной горе состоялась церемония открытия выставки «Победа великого народа».

Выставка посвящена подвигу советского народа, победившего фашизм в самой страшной и кровопролитной войне в истории человечества. Экспозиция охватывает весь период Отечественной войны, от первых приграничных боев до разгрома Квантунской армии. Она наглядно демонстрирует героические и трагические события того времени, рассказывает о судьбах людей: командиров и рядовых, руководителей страны и предприятий, рабочих и колхозников, деятелей науки, искусства и культуры, мужчин и женщин, стариков и детей — всех тех, кто в пожаре войны был поставлен перед выбором: бороться и победить или погибнуть.

Главная тема выставки, ее центральная часть — Победа, обеспеченная единством фронта и тыла. Основной экспонат — штурмовой флаг Победы, водруженный в мае 1945-го над поверженным рейхстагом, логовом фашизма. Это полотнище, сшитое из двух кусков красного сатина, на самодельном древке — одна из главных святынь, символ и олицетворение народной Победы. За 60 лет флаг всего лишь несколько раз покидал здание специального хранилища Центрального музея Вооруженных сил.

В Центральной части выставки представлены архивные документы, личные вещи, награды, письма, оружие выдающихся деятелей государства, командиров армии и флота, героев Великой Отечественной войны, тружеников тыла, а также трофеи Красной армии и флота, взятые на территории поверженной фашистской Германии и разгромленной милитаристской Японии. Также имеются полководческий орден Победы и высшая солдатская награда — орден Славы.

Экспозиция «Фронт» повествует о мужестве и героизме рядовых тружеников войны: пехотинцах, моряках, летчиках, артиллеристах, связистах, танкистах, саперах, командирах и политработниках, партизанах и разведчиках, а также о тех, кто оказался в плену и на оккупированных территориях. Здесь рассказывается о тружениках тыла: наркомках, директорах заводов, рабочих и крестьянках, конструкторах, врачах, учителях, деятелях культуры и искусства, о матерях, женах, сестрах, которые сумели обеспечить экономическое и военно-техническое превосходство над противником, своим трудом и верой выковали оружие Победы, сломившее врага.

XXIII МЕЖДУНАРОДНАЯ ГЕНЕАЛОГО-ГЕРАЛЬДИЧЕСКАЯ НАУЧНАЯ КОНФЕРЕНЦИЯ

В МОСКВЕ при участии Всероссийского геральдического общества, Русской геральдической коллегии, Российского дворянского собрания, Историко-архивного института РГГУ состоялась XXIII Международная генеалого-геральдическая научная конференция.

С приветственным словом к участникам и гостям конференции обратился председатель Всероссийского геральдического общества И.С. Сметанников. С докладами выступили: кандидат философских наук полковник запаса Г.В. Ражнёв (Смоленск) — «Христианская символика в гербе России»; доктор исторических наук А.А. Корников (Иваново) — «Структура и содержание современного курса по геральдике (из опыта разработки и изучения)»; М.К. Шелковенко (Рязань) — «Несколько заметок практика на перекрестке геральдики и права»; доктор исторических наук Г.И. Королев (Москва) — «Красноярская печать XVII века»; кандидат исторических наук полковник В.Л. Герасимов (Москва) — «Первая гвардейская часть советского ВМФ: история в фалеристике»; В.В. Акунов (Москва) — «Мифы Танненберга»; И.Л. Шумов (Тверь) — «Современная российская сфрагистика»; В.Н. Сапрыков (Москва) — «О некоторых принципах разработки государственной символики республик Российской Федерации»; С.В. Филатов (Пермь) — «Проблемы современной геральдики Пермской области»; кандидат исторических наук С.В. Зверев (Москва) — «Шведский герб Новгорода начала XVII века»; П.А. Савельев (Москва) — «Русский скаутизм: история становления, символика»; В.М. Мордвинов (Караганда, Казахстан) — «Поиск методологии восстановления генеалогии переселенцев и репрессированных семей в период 1896—1908 гг. и 20—50-е годы XX вв. в Российской Империи и СССР»; О.В. Свириденко (Вологда) — «Проблемы современной геральдики Вологодчины»; А.С. Кулешов (Москва) — «Генеалогия и геральдика рода Аксаковых»; И.С. Сметанников (Монино Московской обл.) — «Система наград Международного благотворительного фонда "Меценаты столетия"»; Г.М. Бушканец (Казань) — «Геральдические знамена ландмилицких полков»; Е.М. Дрогов (Киров) — «Современные гербы городов Кировской области»; Г.Б. Ефетов, В.М. Надикта (Симферополь, Украина) — «Флаги над Крымом»; И.В. Ефимов, П.И. Ефимов (Йошкар-Ола) — «Традиционная (национальная) символика в гербах муниципальных образований»; И.М. Карташов (Москва) — «О знаке Почетного звания (Почетный жетель) муниципального образования города Москвы»; К.Г. Кинель (Москва) — «Королевская гвардия Таиланда»; Н.Н. Кузьменко (Таганрог) — «Символы города Таганрога»; Г.М. Лерман (Лейпциг, Германия) — «Герб Фрилланда»; И.В. Мальцев (Барнаул) — «Нормативно-правовые акты Российской Федерации, посвященные официальным символам (1991—2004)»; В.В. Мишин (Химки Московской обл.) — «Париж геральдический»; М.В. Ревнивец (Энгельс Саратовской обл.) — «Новый герб ЮАР»; А.В. Руденко (Киев, Украина) — «Должностные регалии Киевского городского головы (проекты)»; доктор исторических наук Р.А. Симонов (Москва) — «Математические сюжеты в геральдике и эмблематике»; Л.В. Спаткай (Минск, Беларусь) — «Герб Комитета по организованной преступности и коррупции при МВД Республики Беларусь»; Л.Л. Степаченков (Смоленск) — «Знамена пожарных обществ Смоленской губернии»; А.И. Трофимов (Новополоцк, Белоруссия) — «Буллы полоцких княгинь XII века»; М.М. Чикаев (Ташкент, Узбекистан) — «Геральдика Бессарабской губернии»; В.А. Шипунов (Марининский Посад) — «Герб и флаг Красноармейского района Чувашской Республики».

На заключительном этапе конференции состоялось вручение золотых медалей «Честь и польза» международного благотворительного фонда «Меценаты столетия», почетных знаков А.Б. Лакиера «Сподвижнику геральдики», юбилейного наградного знака «10 лет ВГО» (за заслуги) членам и гостям Всероссийского геральдического общества; медали «За заслуги» журнала «Гербовед», гербовых грамот армигерам, членских билетов и знаков новым членам Всероссийского геральдического общества.

В ходе работы конференции распространялись «Военно-исторический журнал» и журнал «Гербовед».